

«ЗА ЖАР-ПТИЦЕЙ» А. ВАСИЛЬЕВА: МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ

Гончаров Пётр Андреевич¹
доктор филологических наук, профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Мичуринский ГАУ
г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье анализируются мифофольклорные элементы в структуре повести А.Васильева «За жар-птицей», роль сказочных мотивов в создании образа Мичурина.

Ключевые слова: А. Васильев, повесть, мотив, образ, «деревенская проза», Мичурин.

---

¹ Гончаров П.А. goncharovpa2015@yandex.ru

Повесть А.Васильева «За жар-птицей» увидела свет в 1978 г. (Наш современник, 1977, № 8), когда в зените славы находились В.Распутин, В.Астафьев, С.Залыгин, Ф.Абрамов, В.Шукшин, да и вся «деревенская проза». От «деревенской прозы», предельно активной во время рождения этой повести, у А.Васильева не только тема деревенского детства и утверждение необходимости следовать нравственным традициям, но и – значительная идеализация деревни – в его родном Терском нет даже пьяниц: «... в селе они у нас не водятся, если когда отец Александр» [1, с. 29]. Сказочные мотивы явно имеют место уже в названии произведения Александра Семёновича Васильева, писателя, чьё детство и юность прошли в Терском, что под Козловом, на Тамбовской земле. Название, как и весь заголовочный комплекс – «сильное место» литературного произведения, сказочный образ, заключенный в названии, «понуждал» писателя к фольклоризму, к следованию за законами сказочной поэтики. Сказочный элемент повести – включенная в текст цитата из «Конька-горбунка» П. Ершова.

Эта цитата, как и другие детали собственно фольклорных уже произведений, выполняет роль своеобразного камертона, по которому настраивается всё звучание, структура и восприятие повести о деревенском мальчике, встречающем впервые в жизни «колдуна», и его многоопытном деде. Кстати, контекст, в который включена ершовская цитата, практически сливается со сказочным стихом, так что читателю уже трудно и отличить, где заканчивается «голос» деда, где звучит «Конек-горбунок», а где продолжается и длится детское сновидение: «Веки мои размыкаются. О чём говорит бабушка, я почти не слышу, заглушает дедушкин голос:

До восхода, слышь, зарницы

Прилетят сюда жар-птицы

И начнут пшено клевать

Да по-своему кричать.

Вся в сиянье изумрудном, жар-птица сама просится ко мне в руки...»

[1, с. 32 – 33].

Среди сказочно-фольклорных словесных красок повести – сказочные речения (загадки («Щука ныряет – весь лес валяет» [1, с. 54]), присловья («не тот живет больше, кто живет дольше» [1, с. 24]), повторы (дед и внук, совсем как герои «Аленького цветочка»), идут к Мичурину на «диво дивное» посмотреть: «на картошке – помидоры, а на рябине – дули» [1, с. 48]), просторечия и диалектизмы (шоссе в произношении деревенских жителей звучит не иначе как «шаша»), создающие у читателя ощущение достоверности изображаемого мира и одновременно воспроизводящие мифологически-детское восприятие его.

В повести доминирует и сказочная расстановка действующих лиц: старик (прародитель) – молодой герой, посвящаемый в тайны бытия, волшебник («колдун»), к которому обращены надежды героев. В образах стариков Мичурина и Степана Исаевича Завязкина можно увидеть сказочно-мифологическое начало.

Здесь мы, видимо, имеем дело с образом Мудрого Старца, часто возникающим в снах и еще чаще появляющимся в сказках, с тем, кого К.Г. Юнг называет архетипом Духа. Он может предстать в разных формах: как старый мудрый человек или мудрое животное, как отшельник, злой колдун или волшебный помощник, исцелитель или советчик. Он связан с неким чудом, волшебством, превосходящими человеческие способности. Его сила и помощь заставляют человека приподниматься над своими ограниченными возможностями: находить решения сложных проблем, изыскивать новые силы и преодолевать значительные препятствия.

Сказочный сюжет и его элементы оказываются в основе повести.

В первой главе, в своеобразной экспозиции повести уже особым образом отмечено, что время и место действия повести не вполне заурядные, необычные, хотя и предельно связанные с деревенским бытом: лежащий «на русской печи» с «муравлеными плитками» мальчик слышит диалог взрослых:

«– Мать, а мать, поеду-ка я просо сеять.

– А не рано? – отзывается бабушка. – Нынче, никак, утренник хватил. Ты был во дворе-то? Апрель согрел, а май, вишь не балует.

– Ну и что ж, что хватил? Днем-то совсем солнечно. Халимон голым задом на пашне сидел, тепла земля, говорит, можно просо сеять.

– Коль кузнец сидел, поезжай... У Халимона проса всегда богатейшие...» [1, с. 5].

Деревня, в которой печи «муравлены», а время начала сева определяют с помощью самых чутких «инструментов», отсылает читателя во вполне сказочные пространства «калиновых мостов» и времена подвигов Ильи Муромца. Маленький герой Васильева призван как бы соединить сказку с её жар-птицами, молодильными яблоками и реальность, где пожилая русская крестьянка, бабушка Саньки, ни разу «не отведывала» сыра, искренне считая его господским «лакомством». Образом, соединяющим эти две сферы, оказывается не только автобиографический Санька по кличке Скворец, но и Мичурин, пытающийся сказочные мечтания и мечты вполне прозаические (об изобилии хлеба насущного) осуществить в жизни.

«Сказочность» Мичурина приуготовляется за счет ряда предварительных фольклорно-сказочных мотивов и деталей.

В частности, дед и Санька перед тем как оказаться у Мичурина, попытаются отыскать жар-птицу в «Машкиной роще», испытают магическое действие «росянки», побывают на козловской ярмарке, взберутся на «звонницу» Ильинской церкви. Время действия повести – время магическое, пора пробуждения сил природы – весна, а встреча с Мичуриным осмысливается Санькой и его дедом в майскую ночь. Необходимо заметить, что дополнительный мифологизм эти укорененные в фольклорных жанрах детали приобрели благодаря соответствующим мотивам и ситуациям произведений Н.В. Гоголя. Ассоциирование этих и иных, восходящих к фольклору, деталей (полученный по завету умирающего Халимона конь, похожие на облака и «царствие небесное» цветущие сады Козлова) с литературной классикой – Гоголем, Ершовым, Маяковским – придает им дополнительное мифологическое

звучание, где функция мифа переходит к устоявшимся, литературным по своему происхождению образам общественного сознания. Возникает эффект удвоения или возведения в степень архетипа. Нечто подобное имело место и в классических произведениях «деревенской прозы», когда, например, в бабушке Катерине Петровне из астафьевского «Последнего поклона» читателю виделась не только «великая мать», прародительница, но и всемогущие «бабушки» С.Т. Аксакова, М.Горького, М.А. Шолохова [2, с. 118].

Улицы Козлова, озираемые мальчиком и дедом вначале с колокольни, а затем вблизи, у А.Васильева не просто топографические подробности, нацеленные на создание эффекта реалистической достоверности. Они у писателя овеяны местными преданиями. Так, Питейная улица (нынешняя Гоголевская) у Васильева из-за «краснокирпичных домов» на «тульский пряник похожа» [1, с. 43], и только на ней и можно было отыскать, «как поедет в город», Егора – некоего легендарного, любившего, судя по пристрастию именно к этой улице, погулять «доброего молодца».

Осложнение поездки в город в поисках жар-птицы через нагнетание бытовых подробностей лишь придаёт достоверность повести о путешествии старого и малого. Но благодаря сказочному контексту бытовые детали в свою очередь мифологизируются, приобретают сказочную окраску: таковы покупка на ярмарке упряжи для завещанного (почти заветного!) коня, неожиданная оплошка с приобретением образа Николы.

Изменение и уточнение цели поездки происходит в повести почти как в сказочном сюжете (герой отправился за молодильными яблоками, а «заодно» добыл волшебного коня, прекрасную царевну), усложняет и расцвечивает неожиданными ходами фабулу, изменяет мотивы поступков героев: вместо образа Николы, и даже вместо жар-птицы, герои приобретают по наущению Мичурина букварь – перо жар-птицы XX века, всемогущей и всеильной Науки.

Главный персонаж первой части повести – Мичурин – «колдун», противостоящий осознанно «божескому» устоявшемуся порядку жизни с помощью «колдовства» – науки.

«Ленин, говорят, сам Мичуриным интересовался ... гонцов к нему слал» [1, с. 41]. Гонец, в отличие от посланника, курьера – фольклорно сказочный образ, он тоже предваряет явление персоны самого Мичурина.

По дороге к Мичурину дед сожалеет, что не захватил «плакун-травы»: «От неё бесы и колдуны плачут, плакун-трава вражью силу смиряет» [1, с. 45].

Подвязанные к цветущим яблочным ветвям «белые мешочки» дед считает явным волшебством: «Вот оно, колдовство-то, и есть!» [1, с. 45].

А портрет и детали поведения Мичурина в восприятии ребенка тоже совершенно колдовские: «Сердце бьется, как, наверно, билось у перепелки, которую однажды изловил дедушка своим картузом, и дедушка уже не ведет меня, а почти волочит за собой.

Человек быстро повернул голову в нашу сторону, и я увидел густую черную бородку, лицо в морщинах, точь-в-точь как кожура на испеченном яблоке. Глаза тёмные, сердитые, так и впились в дедушку. У меня по спине мурашки пошли. Я прижался к дедушке.

– Вы чего тут? Спросил человек голосом, похожим на голос нашего отца Александра» [1, с. 46]. – Отец Александр, как явствует из контекста повести, священник в терской церкви. Не случайно именно его голос слышится Саньке: и в «колдуне» Мичурине, и в образе деревенского батюшки имеет место нечто сверхъестественное, надмирное, запредельное, ещё не различимое в детском сознании.

Первая реакция ребенка на строгость селекционера вполне объяснима: « – А колдуны все такие злые?» [1, с. 47]. Но она сменяется иными детскими впечатлениями в начале майской ночи в Козлове, когда труды в саду старого уже «колдуна» подошли к окончанию: «Я его почти не узнал, таким он мне показался добрым, почти что ласковым, как и мой дедушка» [1, с. 47].

Интересно, что сам Мичурин считает несправедливым, что его некоторые современники и земляки «за богохульника и колдуна почитают» [1, с. 47].

Несмотря на это, совсем как в сказках, легендах и мифологических рассказах, Мичурин пытается своим гостям «открыть» своё «колдовство», показать суть селекции, генетики, гибридизации: «Колдуя над цветком яблони, он говорит о растениях-“папах” и растениях-“мамах”, и я ему верю, даже мысли не является о том, что это какая-то детская игра. В самом деле, раз у растений есть “папы” и “мамы”, то должны быть и дети, и внуки! И теперь лес, в особенности наш казённый лес, представляется мне, состоящим не просто из деревьев, а из целых семейств, где есть и мужики, и бабы, и детвора» [1, с. 48 – 49]. Мичурин в повести выступает как защитник теории генетического «бессмертия», теории биологической эволюции жизни. Наука для него – «вот бог!». Наука, её азы, включая букварь, для Мичурина и есть «жар-птица», которую пытаются изловить дед вкупе с подрастающим внуком. Васильев точно увидел главную антиномию в сознании человечества XX столетия: между традиционной верой и попыткой утвердить «новую веру» – веру в неограниченную силу человеческого разума, организованного в противопоставленную традиционной вере науку. Симпатии прозаика на стороне «новой веры», но олицетворяющий её Мичурин воссоздан с помощью красок, приемов, принципов изображения, восходящих к традиции, опирающихся на неё. Отсюда и главное определение, главная метафора, воссоздающая образ Мичурина – «колдун». Понятие, включающее в себя в том числе и негативные коннотации, оттенки значения, восходящие к традиционному мировосприятию.

Идейное звучание повести приобретает некоторую «закольцованность»: дед и внук в поисках жар-птицы оказываются в саду того, кто в жар-птицу вовсе не верит, но пытается сказочные и несказочные мечты осуществить с помощью науки. Но тот же Мичурин уверен, и этот завет звучит в повести дважды: «Без доброй сказки добрый человек не вырастет!» [1, с. 59; 53]. В этом смысле обладание жар-птицей или хотя бы её пером – мечта и

автобиографического героя, и его многострадального деда, и окруженного тайной научного «колдовства» сказочного Мичурина.

Список литературы

1. Васильев А.С. За жар-птицей. Повесть. – Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд.- во, 1981. – 107 с.

2. Гончаров П.А. Творчество В.П.Астафьева в контексте русской прозы 1950 – 1990-х годов. Монография. – М.: Высшая школа, 2003. – 385 с.

3. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 672 с.

Petr Goncharov
Doctor of Philology, Professor
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Michurinsk SAU
Michurinsk, Russian Federation

**"FOR THE FIREBIRD" BY A. VASILIEV: MYTH-FOLKLORE
MOTIVES IN THE STRUCTURE OF THE STORY**

Abstract. The article analyzes mythological and folkloric elements in A.Vasiliev's story "For the Firebird", the role of fairy motives in creating the image of Michurin.

Key words: A. Vasiliev, story, motive, image, "village prose", Michurin.